

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ДЕВУШКА
С БЕЛЫМ ЛИЦОМ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Кольчев, Владимир Григорьевич.

К60 Девушка с белым лицом / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-108221-5

Вернувшись с корпоратива, Макс обнаруживает в своей квартире странную гостью. Назвавшаяся Ритой девушка как две капли воды похожа на недавно погибшую жену известного бизнесмена. Несчастную изнасиловала и утопила в реке шайка подонков... Макс не прочь приударить за Ритой, да и она готова ответить ему взаимностью. Идиллию нарушает известие о гибели одного из друзей Макса. Тот тоже утонул, и случилось это там же, где до этого погибла жена бизнесмена. Случайность? Неожиданно молодого человека поражает леденящая душу догадка: это не роковое совпадение, а начало самой настоящей мести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кольчев В.Г., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108221-5

Глава 1

Затмение накатывало волнами — зелеными, как змий, и солеными, как припудренные края стакана с текилой; то темнота, вихрящаяся в мерцании космической пыли, то просветление — мутное, как отражение в тихом омуте. То тишина с шипящими пузырьками газа, то музыка, смешанная с пульсирующим шумом в барабанных перепонках. И еще в ушах блуждало эхо знакомого мужского голоса, переходящего в крик... Зеленые волны смывали с берега обрывки разума, песчинки мыслей разбежались по расщелинкам, извилинкам, брюхоногие моллюски расхватывали их, растаскивали по своим ракушкам. В голове — морское дно, перед глазами — русалка. С головой белки. Ушки как кисточки, глазки как орешки, зубки как пилы. А платье — серебристая чешуя, из которой вываливались, бросаясь в глаза, силиконовые

плавники третьего размера. Элли стояла надомной, рисованные бабочки на ее ногтях щипали меня за плечо.

Элли молчала, но я хорошо знал свою бывшую жену и умел читать по ее глазам, в каком бы обличье она ни была. Перебрал я с текилой — дошел до белки, пора поворачивать назад. И Элли мне внушала, и сам я понимал. Впрочем, это я понял еще давно, даже собрался уходить, но застрял в холле ночного клуба. Там белочка меня и нашла. В компании с бобром.

Антон и на трезвый взгляд был похож на бобра. Зауженная сверху голова, широкая переносица, раскиданные по сторонам глазки, такие же черные, как сопливые глубины в его ноздрях; выпирающие верхние резцы, приземистое тело, короткие лапы. Хваткий, цепкий, зубастый — если задастся целью, любое дерево перегрызет, плотину поставит, реку запрудит.

— Давай, давай... — звучал его голос, перекликаясь в моей голове с отзвуками крика.

Сначала этот хам отбил у меня бизнес, потом жену, теперь вот с корпоратива гонит: лишний я здесь...

Поднимаясь с дивана, я, казалось, погружался на морское дно, а где-то наверху, над водой, булькал голос Антона:

— Давай... Такси уже ждет...

В машине сильно пахло ароматизатором, под зеркалом, болтаясь на веревочке, прыгал чертик, из колонок тихо сочилась музыка моей молодости.

сти, она звала меня в прошлое. Но приехал я в настоящее.

В межквартирном тамбуре горел свет, вокруг лампы порхал мотылек, по стенам прыгала мелкая вертящая тень. Я полез в карман за ключами, меня повело в сторону, рука зацепилась за железную дверь аварийного отсека, в котором находился гидрант и пожарный шланг. А на полу лежала, свернувшись в комочек, белая кошечка. Она смотрела на меня так жалко, так испуганно — я просто не мог пройти мимо...

Волна схлынула, из окна, просеянный через сито кружевного тюля, струился утренний свет. Очень хотелось пить, воображение перенесло меня на кухню, к холодильнику, за дверцей которого стояла бутылка минеральной воды, а на полке — пара пива. Осталось только подняться и переместить по мысленному курсу непослушное тело, не забыв прикрепить к нему тяжелую похмельную голову, которая и должна была сделать выбор — пиво или вода?

Кровать обиженно скрипнула, босые ступни шлепнулись на теплую гладь паркетного пола, давно не крашенного, но все еще хранившего блеск славного прошлого. Когда-то в этой квартире бурлила жизнь: мы с Элли, полные надежд и стремлений, планировали свое будущее — верхом на таком же светлом настоящем. Наша с Антоном фирма закрепила на московском рынке, мы с Элли купили квартиру, завернули эту конфетку в глянec евроремонта, обставили, об-

жились, какое-то время шли к вершинам успеха. Сначала отвалились перила, затем разломилась пополам и лестница, я остался на нижней половине, а Элли продолжила путь по верхней...

Босиком, в трусах, с голым торсом я вышел из спальни в гостиную и застыл, как двоечник на картине Репина, увидев юную девушку, которая сидела на моем кожаном диване, подобрав под себя ноги, с подушкой в обнимку. Классический прямой «боб» на русые волосы, глаза — два голубых алмаза без огранки, ювелирной чистоты, но с какими-то мутными отложениями в глубинах. Сизый дым там, подсвеченный холодными фосфорными огоньками. Курносенькая, с ямочками на щечках, губки пухленькие, но расплывчатые, как облака, ротик маленький, на правой щеке помятость после ночного общения с подушкой. Длинная шея, узкие плечи, тонкие руки — худенькая, бесформенная. Волосы густые, тяжелые, такие завить можно только «химией», подушкой за ночь не вздохматить, как ни старайся. Футболка на ней с черным глазом в белой пустоте, джинсы с высокой талией и рванинкой на колленке, желтые носочки. А ступни маленькие — максимум тридцать пятого размера.

— Ты мне снишься? — спросил я.

Девушка едва заметно качнула головой. Она внимательно смотрела мне в глаза, как будто хотела знать, в своем я уме или всего лишь не проспался. А возможно, умственная отсталость — мой пожизненный крест, который вот-вот сва-

лится ей на голову. Я или сам буйно наброшусь, или мой лечащий врач придет и выставит ее, несчастную, за дверь. А уходить моя гостья не желала, не звучал в ней сигнал тревоги, который заставляет соскакивать с места и забиваться в угол. Не может человек обидеть бедную синичку, которую спасал от голодной смерти на протяжении долгой и лютой зимы. Не мог я обидеть эту птичку, и она как будто это знала. Но когда я успел приручить и прикормить это несчастное существо?

— Тогда извини.

Я вернулся в спальню, надел футболку, влез в шорты. В майке мне комфортней, жировые отложения на животе не так бросаются в глаза, еще бы второй подбородок убрать... Запустил я себя в последнее время: весна уже на исходе, на носу пляжный сезон, а я даже не пытаюсь привести свое тело в порядок. «Совсем стыда нет», — говорят в таких случаях. Так, может, это сама совесть меня навестила? Призвать к порядку, наставить на путь истинный и выписать абонемент в фитнес-клуб... Открывая дверь, я усмехнулся и даже поднес к виску палец. Вчера белочка, сегодня синичка... пить надо меньше, тогда и мерещиться не будет, и дурные мысли не будут посещать голову.

Но видение не исчезло: девушка сидела на диване, все так же обнимая бархатную с бахромой подушку. И смотрела на меня с той же настороженностью, но без страха.

— Сейчас! — Я поднял указательный палец и поднес его к носу.

И даже нажал на его кончик, как будто это была кнопка «Пауза». Мне действительно удалось остановить момент. Я прошел на кухню, открыл холодильник, взял бутылку воды. Из двух банок пива оставалась одна, я обратил на это внимание, но не придал значения.

Пропустил пару стаканов минералки, вернулся в гостиную — девушка сидела в прежней позе. И смотрела на меня с едва заметной насмешкой. Если она — плод моего больного воображения, то теперь я знаю, как улыбается белая горячка.

— Давай рассказывай.

Я опустился в кожаное кресло, но сделал это слишком резко: высокое мягкое сиденье просело под тяжестью тела, шумно выпуская из себя воздух. Девушка посмотрела на меня так, как будто подозрительный звук вышел из меня. Вот-вот, казалось, ее губы разойдутся в ехидной усмешке.

— Васена, — тихо сказала она.

— В смысле Василиса? — догадался я.

— Ты меня вчера так назвал.

Я озадаченно смотрел на гостью. Должно быть, в моем взгляде сквозила обида. Мне уже тридцать восемь, я годился этой пигалице в отцы, а она со мной на «ты». Как будто я какой-то неудачник, не достойный уважительного к себе отношения.

Да, я потерялся в этой жизни, блуждал в потемках перед закрытой дверью, но было вре-

мя, когда мне везло. Мы с Антоном достигли многого, прежде чем я остановился. Захотелось вдруг вырваться из колеса, в котором я крутился, как белка, выбраться из этой шумной беспоконной клетки. Меня потянуло в большой мир, мы с Элли отправились в кругосветное путешествие, побывали на всех континентах, кроме Антарктиды. Мы любовались цветными скалами в Китае, занимались любовью в «Море звезд» на Мальдивах, загорали на скрытом пляже в Мексике, спускались в «Колодец Иакова» в Техасе.

Антон же тем временем рыл яму. Под меня. Мы владели компанией в равных долях, но хитрый маневр помог ему размыть мою долю и снизить ее до тридцати процентов. Антон загнал нас в угол, из которого Элли быстро нашла выход. Она ушла к Антону, а через год нанесла мне очередной удар. Мы прожили в браке шесть лет, но с ребенком у нас не ладилось, зато Антону она родила сына ровно в срок. Тем самым подчеркнув мою ущербность...

— Я назвал? — спросил я, копаясь в пустотах памяти.

— Я что, похожа на кошку?

Юная гостья как будто почувствовала свою вину передо мной, примирительно улыбнулась. Взгляд ее стал еще ярче, но тепла в ее фосфорных огоньках больше не стало.

— Да нет. — Я озадаченно провел рукой по затылку.

Орегонский «Колодец Тора» — это прибрежная каменная воронка, уходящая в глубь земли на несколько метров. Во время прилива она заполняется водой, которая затем выстреливается вверх шестиметровым фонтаном. А в мой провал памяти влился вчерашний вечер — в фонтане воспоминаний я увидел белочку, бобра и белую кошечку в аварийном отсеке межквартирного тамбура. От белочки и бобра я уехал, а белую кошечку... Неужели взял домой?

— Молока мне хотел налить. — Девушка смотрела на меня с теплой благодарностью и едкой насмешкой одновременно.

— У меня было молоко?

— У тебя было пиво.

— А сколько тебе лет?

Выглядела «Васена» очень молодо, но черты ее лица вполне оформлены, в глазах проглядывался какой-никакой жизненный опыт, скорее всего ей уже исполнилось восемнадцать лет. Во всяком случае, я надеялся на это. Хотя и сомневался. Столько нежности в ее чертах, плечики хлипкие, как крылышки неоперившегося воробушка. Но взгляд все же недетский, и прическа — как у взрослеющей девушки.

— Пиво ты выпил сам, — усмехнулась она.

— А что ты делала в подъезде?

— На самом деле я — кошка. — Ее лицо стало серьезным: окаменело все до последней черточки, взгляд остановился. — Просто по субботам превращаюсь в человека.

Все понятно: «Васена» разыгрывала меня, я ждал, когда она моргнет. Но девушка продолжала смотреть на меня, не мигая. И так она могла смотреть сколько угодно долго, запас ее прочности казался неиссякаемым. Было в ней что-то мистическое... Может, она действительно кошка?

Тогда моя бывшая — белочка, и ей на роду написано жить с бобром? Я усмехнулся, представив, как Элли убеждает меня в справедливости своего выбора.

— Шутишь?

«Васена» даже не шелохнулось, но при этом, как мне показалось, качнула головой. Нет, не шутила она, и я должен был это понимать.

— Шучу. — Но в ее ответе слышалось совсем другое.

— Я так почему-то и подумал, — натянуто улыбнулся я.

— Просто мне нужно было спрятаться.

— От кого?

— От собак.

«Васена» удивленно смотрела на меня. Действительно, от кого еще может убегать кошка, как не от собаки?

— Мне нужно проветриться, — сказал я, поднимаясь.

И еще неплохо было бы просушить закисшие мозги. В похмельной закваске, как известно, присутствуют галлюциногенные бактерии, холодное пиво могло снять брожение или, напротив, обострить его. За пивом я и пошел на

кухню, но по пути сделал остановку в прихожей, открыл входную дверь, заглянул в пожарный отсек. Метр вглубь, столько же в ширину и вверх — «Васена» могла поместиться в этом кубе, достаточно было свернуться калачиком или просто сесть, обняв коленки руками.

Поворачивая назад, я задал себе вопрос: «Интересно, дверь в тамбур была открыта, когда я вчера ночью возвращался домой?» Ответ так и остался в провале памяти.

Я зашел в квартиру, закрыл за собой дверь, только после этого глянул на свои босые ноги. Что это со мной? Когда это раньше я позволял себе выходить из дома босиком?

Холодное пиво взбудило кровь, освежило чувства, в голове просветлело. Обострилась потребность вымыть ноги и надеть тапочки. Но сначала нужно было разобраться с «Васеной», если, конечно, она не исчезла.

Из прихожей через арку виден был телевизор с большим экраном, в котором должна была отражаться моя гостя. Я осторожно глянул на экран, но девушки не увидел. И озадаченно пожал плечами. Хорошо, если моя больная фантазия исчезла, но вдруг мое помешательство не временное, может, по мне плачет палата номер шесть?

— Собак в дом не запустил? — внезапно спросил знакомый голос, заставив меня содрогнуться.

Я еще раз глянул на экран телевизора и снова не увидел «Васену». Также не отражался и ди-

ван, на котором сидела девушка. А она там была, я видел ее, она перемещалась из прихожей в гостиную.

Похмелье давало о себе знать — я сбился с курса, меня повело в сторону, нога зацепила журнальный столик, покачнулась стоящая на нем ваза без цветов.

«Осторожно!» — услышал я.

«Васена» молчала, я точно это знал, но почему же в ушах прозвучал ее голос? Может, я научился читать ее мысли? Или она умела внушать их на расстоянии: существуют же телепаты, которые работают как на прием, так и на передачу... Похоже, мне самому нужно на прием. К врачу.

Я опустился в кресло, внимательно посмотрел на девушку. Она не изменила позу, все так же обнимала подушку, прижимая ее к груди.

— От кого ты прячешься?

— Не прячусь. Просто живу... — сказала она и, немного подумав, добавила: — У тебя.

— А если я тебя попрошу? — Я кивком показал на дверь.

— Уйду, — пожала она плечами.

Я снова кивнул, указывая на дверь. Но вслух свое требование озвучить не смог. Как я мог выгнать из дома этого наглого, но, в общем-то, жалкого котенка? Мир так жесток — люди его затопчут, собаки загрызут, и никому не будет до этого дела. Даже мне... Я ведь постараюсь придумать себе оправдание, возможно, даже смогу вычеркнуть сегодняшнее утро из своих воспоминаний.